

И. З. СЕРМАН

АНТИОХ КАНТЕМИР И ФРАНЧЕСКО АЛЬГАРОТТИ*

В 1737 г., прожив в Лондоне уже около пяти лет, А. Д. Кантемир перерабатывает самым решительным образом свою пятую сатиру, написанную в 1731 г., до отъезда в Лондон. Вернее, он пишет новую вещь. До сих пор мы не имеем сколько-нибудь удовлетворительного объяснения этой переделке. Сам Кантемир дает чисто внешнее объяснение, существа переработки не поясняющее: «Стихотворец пред отъездом своим в чужие края сочинил было сатиру на подражание осьмой Боаловой, которая надписана на человека, но потом усмотрев, что почти вся состояла из речей французского сатирика, выбрав из нея малую часть стихов, составил сию пятую сатиру в Лондоне в 1737 году»¹

В примечаниях к ранней редакции этой сатиры Кантемир так объяснял зависимость ее от VIII сатиры Буало: «Боало в своей [сатире] доказывает, что из всех животных человек глупее, а наш автор тщится показать, что не только он глупее всех скотов, но еще злее всех зверей и дичее всякого уroda, которого бы ум вымыслить мог»²

Можно проверить, насколько первая редакция пятой сатиры повторяет указанный Кантемиром французский образец, и тогда судить, насколько верно предложенное Кантемиром объяснение предпринятой переработки.

В ранней редакции (1731 г.) пятой сатиры было 466 строк, в VIII сатире Буало 308 строк. Уже это несовпадение объема за-

---

* Вариант статьи см. A Window on Russia Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth Century Russia Gargnano, 1994 / Ed. by M. Di Salvo and L. Hughes Roma, 1996 P. 148–154

¹ Кантемир А. Собр. стихотворений / Подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 138 (Библиотека поэта. Большая серия).

² Там же. С. 515

ставляет отнестись с недоверием к утверждению «нашего автора», что в редакции 1731 г. его сатира «почти вся состояла из речей французского сатирика».³

Буало построил VIII сатиру как свой спор, диалог с доктором Сорбонны, обозначенным криптонимом М***. В редакции 1731 г. сатира Кантемира построена как авторский монолог.

Основная идея VIII сатиры Буало — это представление о глупости, вообще свойственной человечеству, в той сфере жизни, в которой ее меньше всего можно было ожидать, — в современной ему науке и особенно в медицине. Ничего подобного в сатире Кантемира (в ее обеих редакциях) нет, еще и потому, что Кантемир разрабатывает собственно русский материал. Пятая сатира в редакции 1737 г. превращена в диалог между Сатиром и Перьергом (любопытным). Основное содержание ее — рассказы Сатира о впечатлениях от города, куда его послал Пан, чтобы найти в городской жизни «нову причину к смеху».⁴

Сатир соединяет в себе человека и зверя, он может понять то, что происходит в человеческом обществе, но смотрит на все отстраненно и потому может дать верную оценку глупости и злости человеческой.

Участие Сатира в сюжете стихотворения избавляет Кантемира от необходимости повторить то определение мудрости (*sagesse*), которое нужно Буало, чтобы создать оппозицию — мудрость/глупость.

Кроме рассуждения о разумности поведения муравья и осуждения тех, кого Кантемир называет «войнолюбцами», прямых заимствований из VIII сатиры Буало у Кантемира нет в обеих редакциях его пятой сатиры, и потому то объяснение цели ее переделки, которое предлагает автор, носит чисто формальный характер.

Какой смысл вложил Кантемир в новую редакцию? Что повлияло на сделанные в сатире перемены? Пять лет — срок большой. За это время Кантемир освоился в Лондоне, ознакомился с жизнью Англии, приобрел много знакомств в дипломатическом мире английской столицы, получил возможность свободно следить за общеевропейским движением идей без оглядки на российский двор и российские власти.

Переработка, вернее, пересоздание пятой сатиры может помочь нам понять, изменилось ли его мировоззрение под воздействием опыта жизни в Европе.

³ *Кантемир А.* Собр. стихотворений / Подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 138.

⁴ Там же. С. 120.

В редакции 1737 г Кантемир отказался от пространного предисловия к сатире, а цель ее изложил кратко «оказать смеху достойные человеческие страсти»⁵ Морализм ранней редакции Кантемир отбросил. Вместо абстрактного нападения на «злых» и «добрых» теперь острие сатиры направлено не на «глупость», а на механизм поведения персонажей сатиры в обществе, определенный непостоянством страстей и влечений.

Он сохраняет и в редакции 1737 г три портрета — купца, пахаря (крестьянина) и чернеца. Каждый из них недоволен своим положением в обществе: купец становится судьей, пахарь — солдатом, но оба они мечтают вернуться к прежнему образу жизни, как и чернец, который хотел бы стать мирянином. Все три «медальона» доказывают, что основное проявление человеческой глупости — это непостоянство в намерениях и желаниях, но в редакции 1737 г эти три «медальона» завершают сатиру — стихи 686–736.

В ранней редакции «глупость», неразумность поведения Кантемир объясняет «грехопадением» первых людей, т. е. в соответствии с учением церкви, но большая часть сатиры посвящена не «глупости», а злости человеческой.

Если б не зол человек, на что бы уставы?

Законы уставлены, чтоб исправить нравы

И удержать *склонность ко злу*, что нам с детства сродно ⁶

В поздней редакции такого определения человека по Гоббсу уже нет, как нет и обличения атеистов, которые отрицают «твари творца». Взамен отвлеченно-философского истолкования человека Кантемир дает подробную картину русской жизни и поступков персонажей, буруемых страстями, в свою очередь социально обусловленными.

Л. Р. Муравьева обратила внимание на то, что от текста ранней редакции создается впечатление, «будто в сатире пояснено конкретными примерами то, о чем говорил Ф. Прокопович»⁷ в брошюре «Истинное оправдание правоверных христиан (Ко благодетельному читателю предисловие)» (СПб., 1724).

В поздней редакции уже нет ни этого изложения Прокоповича, ни ссылок на него в примечаниях, т. е. Кантемир пользуется теперь другой аргументацией, от науки, а не от церковных деятелей, даже таких, взгляды которых он ранее разделял.

⁵ Кантемир А. Собр. стихотворений / Подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 138.

⁶ Там же. С. 400. Курсив мой.

⁷ Муравьева Л. Р. Проблема так называемой «девятой сатиры» А. Д. Кантемира // XVIII век. М., Л., 1962. Сб. 5. С. 169.

В новой редакции пятая сатира стала убежденно антиклерикальной. Она открывается картиной всеобщего пьянства в городе в праздник святого Николая, в котором наравне с мирянами участвуют и «попы».

Такая критика поведения православного духовенства также свидетельствует о какой-то перемене в мировоззрении Кантемира, как и о возможности для него высказаться свободней о том, о чем ранее он говорить не мог. Переработка сатиры и отказ следовать Буало оказались возможны потому, что Кантемир в середине 1730-х гг усваивает новые философские и натурфилософские веяния, которые в это время стали проникать в европейские литературы.

Давно отмеченное влияние оптики Ньютона на английскую поэзию 1720–1730-х гг⁸ не прослежено в его дальнейшем распространении на поэзию континентальных стран.

Не менее важно установить, повлияли ли на континентальную литературу, и в особенности на поэзию, исследовательская методология Ньютона, его индуктивный метод. Последователи Ньютона в Англии были убеждены, что метод Ньютона позволяет математически доказать, что человеческое сознание отражает как зеркало мировую гармонию, а не борьбу добра и зла, как — прибавлю от себя — учили Лейбниц и его последователи.

И все же можно попытаться восстановить ход приобщения Кантемира к учению Ньютона. Индуктивный метод исследования законов природы, так блистательно примененный Ньютоном к физическим проблемам, был воспринят в английской поэзии 1730-х гг как указание на возможность нового подхода к человеку, к анализу его индивидуальной психологии и общественного поведения⁹. Естественно было предположить, что Кантемир мог познакомиться с философией Ньютона через английскую поэзию, но никаких фактических доказательств такого взаимодействия у нас нет. Может быть, поискам в этом направлении мешает до сих пор давняя очень яркая работа Л. В. Пумпянского, в которой предложено на первый взгляд весьма убедительное при всей своей парадоксальности объяснение того, как в Лондоне (в Англии!) Кантемир оказался как бы в идеологическом плену у многочисленной там в 1730-е гг итальянской колонии¹⁰.

⁸ *Nicolson M H* Newton demands the Muse. Newton's «Optics» and the Eighteenth Century Poets. Princeton, 1946.

⁹ *Markley R* Fallen Languages. Crises of Representation in Newtonian England 1660–1740. Ithaca and London, 1993. P. 192–197.

¹⁰ *Пумпянский Л В* Очерки по литературе первой половины XVIII века. 1. Кантемир и итальянская культура // XVIII век. М., Л., 1935. Сб. 1. С. 95–97.

На основании писем Кантемира¹¹ Л В Пумпянский решил, что, попав в Лондон в 1731 г в качестве русского посла, Кантемир не вошел в английское общество (отчасти и по незнанию языка, а вероятнее — из-за плохих отношений между Англией и Россией), но завязал очень тесные и даже дружеские отношения с итальянской колонией в Лондоне, поскольку итальянский язык был для него домашним, и в первую очередь с дипломатами, представлявшими многочисленные тогда итальянские государства. Через них Кантемир вошел и в артистические итальянские круги, тогда в Лондоне хорошо представленные.

Факты, которые приводит Л В Пумпянский, убедительны. К ним многое добавил Х Грасхоф¹². Поэтому следует внимательно присмотреться к итальянским связям Кантемира, для того чтобы установить, как они повлияли на его творчество.

Когда Л В Пумпянский писал свою статью, Италию суммарно представляли чем-то вроде идеологических задворков Европы, где господствовали еще допросветительские идеи «Для 1732–1734 гг этот круг людей в значительной степени архаистичен»¹³. Итальянское Просвещение и его роль в жизни Италии 1730-х гг были еще недостаточно исследованы, и поэтому конкретный исторический контекст был подменен общим представлением об итальянской идеологической отсталости, и в результате получился парадоксальный и как будто бы убедительный вывод: Кантемир, переехав из России в Англию, совершил путешествие в минувшую культурную эпоху, был непреднамеренно вдвинут в чуждую эпоху Просвещения. Общеидеологический и литературный контекст. Формально это может показаться правильным. Однако мы можем внести существенную поправку в характеристику итальянских дипломатов, предложенную Л В Пумпянским. Авторитет исследователя был так прочен, что даже те авторы, которые вводили новые факты или предлагали иную схему идеологической эволюции Кантемира, не решались пересмотреть характеристику его итальянских знакомств и отношений в Лондоне. Удивительно, что даже указанное Л В Пумпянским в конце списка лондонских знакомцев-итальянцев Кантемира имя Альгаротти не заставило задуматься над верностью самой идеи «архаичности» итальянского окружения Кантемира.

Как теперь мы знаем, итальянские дипломатические агенты в Лондоне представляли те государства, в которых в 1730-е гг

¹¹ Майков Л Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб, 1903.

¹² Grasshoff H. Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966. S. 108–129.

¹³ Пумпянский Л В. Очерки по литературе первой половины XVIII в. кн. С. 89.

с наибольшей силой проявился дух эпохи Просвещения не только в публицистике, философии, науке, но и в сознательно проектировавшихся или осуществлявшихся в этих государствах социально-правовых реформах. Как показал Ф. Вентури, в отличие от государств континентальной Европы именно североитальянские республики и монархии пытались реформировать в прогрессивном духе всю систему социальных отношений.¹⁴

Понятно, что дипломатические агенты этих государств чувствовали себя в Лондоне вполне свободно, и их беседы с Кантемиром вводили его в курс того, о чем думала и что надеялась осуществить Италия иллюминатов. Кантемир не мог не интересоваться тем, что делают и о чем думают в Италии, язык и культура которой были ему издавна знакомы и близки.

В нашем распоряжении нет каких-либо документальных отражений веселых бесед этого сообщества итальянских дипломатов, художников, актеров, которое Кантемир в дружеской переписке называет английским словом «club»,¹⁵ но в письмах из Парижа он жалуется, что в отличие от Лондона не может найти таких разумно мыслящих собеседников, каких он оставил в Лондоне, чтобы создать подобный кружок clubistes.

Разумно мыслящий человек для эпохи Просвещения во всех странах Европы — это человек на уровне передовых представлений обо всей совокупности культурных и социальных проблем эпохи.

Одним из таких собеседников (не в буквальном смысле) Кантемира был Франческо Альгаротти, с которым он встречался в Париже и в Лондоне, а затем в 1739 г. перевел его книгу «Il Newtonianismo per le Dame» на русский язык. Этот перевод как бы подвел черту под его обращением в новую натурфилософскую «веру» — превращением из картезианца, каким он был в России и некоторое время в Лондоне, в «ньютонианца».

Уже в феврале 1735 г. Кантемир сообщает статс-секретарю лорду Харингтону, что он просит зарегистрировать его домашнего учителя математики Жана Томаса (Jean Thomas).¹⁶

Отставной капитан был один из немногих в Англии знавших русский язык, но кроме того, он был знатоком физики Ньютона. Занятия с Томасом подготовили Кантемира к усвоению книги Альгаротти, которую он прочел в издании 1737 г.¹⁷ Появление

¹⁴ *Venturi F.* Settecento riformatore. Da Muratori a Beccaria. Torino, 1969. P. 3–59.

¹⁵ *Майков Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. С. 115.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ *Grasshoff H.* Kantemir und Westeuropa. S. 125.

«Il Newtonianismo per le Dame» стало большим событием в умственной жизни Европы. В следующие годы появились английский и французский переводы книги, а Кантемир который в переводах не нуждался, доработал свою «Песню IV. В похвалу наук» так, чтобы довести традиционную для европейской поэзии тему движения наук до Ньютона. Как установил В. Босс,¹⁸ IV песня Кантемира представляет собой близкое переложение начальных строф поэмы Дж. Триссино «L'Italia liberata dai Goti» (1548).

З. И Гершкович указал, что первоначальная редакция IV песни состояла из 14 строф и завершилась апофеозом итальянского Ренессанса¹⁹ Но два примечания к IV песне, равно как и заключительная, 15-я, строфа окончательной редакции, никакого отношения к поэме Триссино не имеют. Примечания к этой песне, в которых речь идет о Ньюtone и его физике, дают первое на русском языке, конечно краткое, но точное изложение важнейших открытий Ньютона. Вот эти примечания.

«И путь и силу числим скоротечных телес. Числим дорогу и силу взаимную небесных телес, каковы суть планеты, звезды неподвижные и кометы. Новые астрономы в том дивную удачу имели, и наипаче в том преуспел англичанин Ньютон».²⁰ «Взаимная сила» — это всемирное тяготение, основное понятие механики Ньютона.

Кантемир, как видно из этого примечания, а также из следующего, целиком принял физику Ньютона и отказался от своих картезианских взглядов, которые он разделял ранее, когда переводил книгу Фонтенеля.

В следующем примечании речь идет о природе света.

«Луч света делим в цветны части. Если в темной горнице впустить луч солнца чрез малую скважину на требочное стекло, которое обыкновенно *призмой*, а у нас *райком* называют, луч тот, преломяся, разделится на семь других лучей, из которых один фиалковый, другой пурпуровый, третий голубой, четвертый зеленый, пятый желтый, шестой рудо-желтый, седьмой красный. Сие явление первый усмотрел и исследовал вышеупомянутый знаменитый аглинский философ Ньютон».²¹

Общую оценку сделанного в науке Ньютоном и сравнение его открытий с открытием Нового Света Колумбом Кантемир высказал в 15-й, заключительной, строфе этой оды.

¹⁸ Boss V La quatrième ode de Kantemir et «L'Italia liberata» de Giangeorgio Trissino // Cahiers du monde russe et soviétique. 1963. Vol 4, fasc. 1–2. P 47–55

¹⁹ Кантемир А Собр. стихотворений. С. 465.

²⁰ Там же С 208

²¹ Там же

Как показал В Босс, прибавленная Кантемиром строфа, которая содержит параллель двух, по его мнению, величайших открытий — Нового Света Колумбом и всемирного тяготения Ньютоном, представляет собой заимствование из Седьмого диалога книги Альгаротти «Il Newtonianismo per le Dame»²² Напоминаю текст этой строфы

Бездны ужасны вод преплыв, доходим
 Мир, отделенный от век бесконечных
 В воздух, в светила, на край неба всходим,
 И путь и силу числим скоротечных
 Телес, луч солнца делим в цветны части,
 Чувствует тварь вся силу нашей власти²³

В Босс считал, что Кантемир мог заимствовать тему 15-й строфы из книги Альгаротти в издании 1739 г

Думаю, что предположение В Босса ошибочно Кантемир прочел книгу Альгаротти, скорее всего, как и вся образованная Европа, по изданию 1737 г

Итак, мы видим, что Кантемир отказался от своих картезианских взглядов и перешел в противоположный лагерь, поскольку борьба между ньютонианцами и картезианцами проходила очень остро и компромисс между ними был невозможен

Именно знакомство с книгой Альгаротти способствовало переходу Кантемира от абстрактной характерологии XVII века, которой он следовал в начале 1730 г, к индивидуальной психологии в новой редакции пятой сатиры

Как видно из вышесказанного, одно из итальянских знакомств лондонского периода жизни Кантемира внесло много нового в его творчество и ввело его в круг самых передовых научных идей его века, а не в ставшую духовной архаикой итальянскую литературу XVI века

Интересно, что позднее Альгаротти находил, что единственный верный перевод его книги был сделан Кантемиром, который, по его мнению, знал итальянский и хорошо понимал суть дела

«Io non posso a questo proposito negare a me medesimo un pubblico testimonio di gratitudine verso il Signor Principe di Cantemir, il cui alto grado, le cui cognizioni e il cui amor per le arti e per le Lettere nella sua famiglia ereditario, lo distinguon tanto da ogn'altro, quanto parer potrebbe, che passandol'io in questa occasione sotto silenzio vel confondessi Egli m'а onorato a segno di far di questi Dialoghi una versione Russa, come un'altra

²² Boss V La quatrème ode de Kantemir P 55

²³ А Кантемир Собр стихотворений С 202

ne a fatto già de'Mondi del Signor di Fontenelle, e di consultarmi intorno all'Italiano, bench'egli sappia la nostra Lingua, come già i Bembi e i Buonmatei Io gli ò comunicati i cangiamenti e le addizioni che troveransi in questa novella edizione, per li quali egli m'à con usura ricompensato, e per l'onore che a me ne viene, e per li lumi, di cui egli à voluto partecipe farmi nelle dotte Conversazioni, che su tal Soggetto ò avuto secolui Egli fia in breve il Propagatore del Newtonianismo nel vasto Impero delle Russie, e la vera Dottrina fia ben tosto, mercè lui, sparsa in nuovi Mondi,

Et Terras alio sub Sole jacentes»²⁴

Отношения с Альгаротти — важный эпизод среди других итальянских знакомств Кантемира. Укажу, кстати, что в том самом 1739 г., когда Кантемир перевел книгу Альгаротти, она была запрещена папой Бенедиктом XIV за «коперниканство»

---

²⁴ *Algarotti F. Avertimento A'lettori // Il Newtonianismo per le Dame Milano, 1739*

Перевод «В связи с этим я не могу отказать себе в публичном выражении благодарности господину князю Кантемиру, высокое положение которого, познания и унаследованная от родителей любовь к искусствам и словесности настолько отличают его от всех остальных, насколько могло бы показаться, что, обойдя молчанием эти обстоятельства, я спутал бы его с вами. Он оказал мне честь, переведя эти Диалоги на русский язык, как уже перевел Миры господина де Фонтенеля, и советуясь со мною относительно итальянского языка, хотя он уже знает наш язык, как Бемби и Буонматтеи. Я сообщил ему об изменениях и дополнениях, которые войдут в это новое издание, за что он воздал сторицей как честью общения с ним, так и теми сведениями, которые он соизволил сообщить мне в ученых разговорах на эту тему. Одним словом, он станет Провозвестником Ньютонианства в обширной империи Российской, и благодаря ему это истинное Учение будет в скором времени распространено в новых мирах,

И в землях иных, под солнцем лежащих»